

Др. Анатолий Ливри, «Мандельштам и Набоков - две ницшеанские судьбы», *Вестник Университета Российской Академии Образования*, Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК), 2015 – 4, Москва, с. 8 – 20
http://urao.edu/images/vestnik/Vestnik_2015_04.pdf

Материалы Международной научной конференции «XIII-е Андреевские чтения. Литература XX–XXI веков. Итоги и перспективы изучения», Московский Университет им. Ломоносова (МГУ), 31 января 2015 года
<http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/2015.pdf>

Мандельштам и Набоков - две ницшеанские судьбы

«И снова скальд чужую песню сложит

И как свою её произнесёт.»

О. Мандельштам

Этот труд о единственно ницшеанских истоках творчества Мандельштама и Набокова я начну не размышлениями об этих европейских литераторах, рождённых в Российской империи, – но о Ницше. Подлинный Ницше – нисколько не привычный университетским функционерам «философ», наследник ремесла, ставшего прибыльным в процессе становления эпохи «Просвещения» мошенниками энциклопедической гильдии, сумевшими окрутить целую цивилизацию¹.

¹ Cf. Marion Sigaut, *Voltaire - Une imposture au service des puissants*, Paris, Kontre Kulture, 2015, 463 p.

Скажу больше: именно *нефилософская* – в профессионально-профессорском смысле – суть Ницше позволила ему достичь вечно-модернистского уровня Гомера, благодаря которому он и является совершеннейшим воспитателем каждого нового создателя, и в первую очередь вдохновителем на литературное творчество: Ницше, благочестивый ритор эллинистической эпохи², а следовательно и славящий своего Бога ритмической прозой, нередко переходящей в стихи, – гимнами – автор сверх-поэзии («Lassen wir die Dichter bei Seite: es ist vielleicht überhaupt nie Etwas aus einem gleichen Überfluss von Kraft heraus gethan worden. Mein Begriff „dionysisch“ wurde hier *höchste That*; an ihr gemessen erscheint der ganze Rest von menschlichem Thun als arm und bedingt.»³), а потому не скульпторы, физики или живописцы, а именно поэты призваны более всех позаимствовать у Ницше. Не составляют исключения и Мандельштам с Набоковым, буквально притянутые к Ницше человеческим слишком человеческим рефлексом миметизма, дабы впитать через него гомерическую частицу божественной близости, и благодаря филологическому контакту, прозреть как творцы: «Wodurch schildert Homer so viel anschaulicher als alle Dichter? Weil er um so viel mehr anschaut.»⁴. Я только что упомянул термин «филология»? Ему отводится немалая роль в данном труде.

Итак, мой тезис состоит в том, что Ницше – человек времени, называемого французскими античниками «эллинистической и имперской эпохой», начавшейся согласно традиции, 10-го июня 323 г. до н. э. (день

² См. Анатолий Ливри, «Сверхчеловек – неозллинистический литератор язычник», *Антирационалистический поворот в современной философии: сборник научных трудов к 170-летию со дня рождения Фридриха Ницше*, Ульяновск, Ульяновский Государственный Технический Университет, 2014, с. 23 - 28.

³ Friedrich Nietzsche, *Ecce homo*, *op. cit.*, Band 6, S. 343. Курсив Фридриха Ницше.

⁴ Friedrich Nietzsche, *Die Geburt der Tragödie*, *op. cit.*, Band 1, S. 60.

смерти Александра Великого и ... «автоматического» создания эллинистических царств), и завершившейся 12-го августа 30 г. до н. э., а именно со свержением Лагидов римской сверхдержавой, в свою очередь духовно порабощённой собственными греческими побеждёнными: «Graecia capta ferum victorem cepit ...»; этой датой французский Университет открывает новую, «имперскую эпоху», длящуюся до падения Рима, – англо-саксонские специалисты, следуя привычному им духу упрощения, окрестили оба эти периода «эллинистическим», что нередко вносит путаницу в международные научные мероприятия: Лукиан, Ахилл Татий или Филострат представляются стенфордскими и оксфордскими коллегами «эллинистическими литераторами», не являющимися таковыми в устах эллинистов Сорбонны и Женевы. Однако, как бы не называли эту эпоху, именно та, созданная ею уникальная атмосфера, и породила Фридриха Ницше, сросшегося с грекоязыкой античностью и модернизировавшего её.

Подчеркнём одну из характерных особенностей эллинистическо-имперского периода, затем навсегда погребённую совместной агрессией торжествующих христианства и неэллинизированного варварства: до перелома, внесённого в евро-азиатскую историю Александром (как верно заметил эту катастрофу Ницше: «Es ist Alles an dieser Schrift vorherverkündend: die Nähe der Wiederkunft des griechischen Geistes, die Nothwendigkeit von *Gegen-Alexandern*, welche den gordischen Knoten der griechischen Cultur wieder *binden*, nachdem er gelöst war... »⁵), живой мир, видимый греческим взором, *дискриминировался* исключительно согласно происхождению особей. На самой нижней иерархической ступени, над ἄλογοι (животными, лишёнными дара Слова) располагались варвары (люди

⁵ Friedrich Nietzsche, *Ecce homo*, *op. cit.*, Band 6, S. 314. Курсив Фридриха Ницше.

чуждого этноса⁶, наделённые нечленораздельной речью; и если они случайно эллинизировались практикой греческого языка, а главное культом Олимпийцев, соплеменники казнили их, – примером тому полумифический, но от того не менее красноречиво свидетельствующий о жестокой реальности, образ Анахарсиса⁷), над которыми господствовали «... эллины чистой расы, без примеси варварской крови ...»⁸, акме же этой пирамиды занимали афиняне, ἀυτόχθονοι, «произвольно порождённые Землёй». Эллинистический путч переносит антропологический критерий выбора высших существ из этнической в лингвистическую область. Отныне залогом общественного успеха мужчины (а подчас и женщины) является совершенство его владения языком, – греческим, разумеется. Филолог становится апостолом эллинистической цивилизации.

Можно констатировать появление новых просветительных структур вокруг Средиземного моря, в греческих колониях и эллинизированных варварских центрах, ведущим из коих становится многонациональная, а значит и многопроблемная⁹ Александрия, подвластная *македонским фараонам*, возобновившим, с доселе невиданной роскошью, практику Архелая, некогда пригласившего в Пеллу утомлённого демократией Еврипида. Ницше одним из первых подметил неутраченное и по сей день идеологическое первенство александрийской культуры: «Unsere ganze moderne Welt ist in dem Netz der alexandrinischen Cultur befangen ...»¹⁰.

⁶ Pierre Paris avec collaboration de G. Roques, *Lexique des Antiquités Grecques*, Paris, Albert Fontemoing, éditeur, 1909, p. 60.

⁷ Cf. Diogenes Laertius, *Lives of Eminent philosophers*, I, 8, *Anacharsis*, London, The Loeb Classical Library, trans. by R. D. Hicks, 1925, p. 104 – 110.

⁸ Platon, *Ménexène*, 245 d, Paris, Les Belles Lettres, traduction de Louis Méridier, 1931, p. 99. Перевод Анатолия Ливри.

⁹ Pierre Lévêque, *L'Aventure grecque*, Paris, Armand Colin, 1964, p. 425.

¹⁰ Friedrich Nietzsche, *Die Geburt der Tragödie*, op. cit., Band 1, S. 116.

Недавние варвары¹¹ основывают Мусейон, этот пращур «университетов» (невозможных, следовательно, без главнейшего музагета, Диониса¹², и его ритмических таинств, называемых трагедиями¹³), а сотни его более мелких копий, школ риторики, становятся необходимым этапом любой карьеры: профессора, адвоката, политика. И если παιδεία отсутствует в *curriculum vitae* мужчины, то все общественные двери закрываются для него, – принцип квази легализированный Римской империей. Докторская диссертация ректора Сорбонны, ныне усопшего Жака Бомпэра¹⁴, анализирует рефлексы раторов разбираемого мною периода, будь то сирийский варвар Лукиан, или всемогущий автократор Марк Аврелий¹⁵.

Рассмотрим же мировоззрение этой элиты, столь необходимое для данного труда, ибо, – здесь я продолжу изложение моего тезиса, – Фридрих Ницше не только эллинистический варвар, в данном случае германец, предпочеший чуждую высшую культуру собственной,

¹¹ « Philippe qui n'est pas Grec, qu'aucun lien n'unit aux Grecs, Philippe qui n'est pas même un Barbare d'illustre origine, misérable Macédonien né dans un pays où l'on ne put jamais acheter un bon esclave ! » : Cf. *Œuvres complètes de Démosthène et d'Eschine, Neuvième Philippique*, Paris, Chez Firmin Didot, traduit par J. F. Stiévenard, 1861, p. 112.

¹² «Musen und Dionysos gehören ursprünglich viel enger zusammen als Musen und Apoll: als zusammengehörig wurden sie z. B. noch in Eleutherae, in der Nähe von Eleusis verehrt, in Orchomenos sagte man vom verschwundenen Dionysos, er sei zu den Musen entflohen und halte sich bei ihnen verborgen.»: Friedrich Nietzsche, *Der Gottesdienst der Griechen* in Nietzsche's *Werke*, Band XIX, 3 Abteilung, *Philologica*, 3 Band, Leipzig, Alfred Kröner Verlag, 1913, S. 345 – 346.

¹³ Raphaël Dreyfus, *Introduction générale dans Tragiques grecs*, Eschyle, Sophocle, Paris, Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, traduit par Jean Grosjean, 1967, p. XVII, n. 1.

¹⁴ Жак Бомпэр – мэтр Алена Бийо, нынешнего декана Факультета Эллинистики Сорбонны, издателя, с 2003 года, Анатолия Ливри в *Альманахе Ассоциации Эллинистов Франции*: Anatoly Livry, «L'Homme socratique de Tourgueniev» publié par l'actuel directeur de la Faculté d'Études Grecques de Paris IV - Sorbonne, le professeur Alain Billault (agrégé de Lettres classiques, élève de Jacques Bompaire ancien Président de Paris IV - Sorbonne) dans le *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*, l'Association d'Hellénistes et de Latinistes français, Paris, 2003 – 2, p. 151-169. Il s'agit de l'acte du colloque international avec comité de sélection «Genre absurde» organisé par la Faculté d'Études Slaves de l'Université de Zurich, du 4 au 6 octobre 2001.

¹⁵ Cf. Jacques Bompaire, *Lucien écrivain. Imitation et création*, Paris, éditions de Boccard, 1958, 794 p.

впитавший все её принципы с инстинктами несмотря на полтора тысячелетия, отделявшие его от последних спазмов агонии эллинизма, но и, благодаря своему сверхмодернистскому дару, в свою очередь ставший воспитателем других неоэллинистических варваров, Мандельштама и Набокова в том числе.

Школы, формирующие имперские кадры, обучают студентов не политической экономике или геополитике, но в первую очередь заботятся о запоминании наизусть классиков: Каллимах, например, в своей знаменитой эпиграмме насмехается над собственным педагогическим отуплением, вызванным гулом школяров, зубрящих *Вакханок*¹⁶. Как только произведения выучены с относительной точностью, студенты принимаются за последующий этап самодрессуры, по очереди становясь персонажами Гомера, Фукидида, Платона. Отныне они – обновлённые Ахилл, Перикл, Тимей. Подчеркнём: ритор и в голову не придёт подвергать героев эпоей или диалогов привычному нам университетскому анализу, – нет, он тотально реинкарнируется в мифических и исторических персонажей; а как только ритор стал эсхилевским Агамемноном, он уже не следует «каноническим текстам» (copyright, естественно, не существовало, – отсюда мириады неточностей в рукописях: ритору, зарабатывая копированием, позволяли себе неслыханное сейчас легкомыслие с Гомером и Еврипидом), но импровизирует на тему как бы, например, микенский царь повёл себя в той или иной ситуации. Благодаря подобной многолетней тренировке, ритор эллинистическо-имперского периода, переживает своеобразную метемпсихозу: душевный мир Гесиода с Геродотом становится ему доступнее шкалы ценностей соседского торговца. Цель риторов сей эпохи – высшая форма элитизма, так, например современник Лукиана (II-ой век

¹⁶ Cf. Callimaque, *Aitia*, r. 101 P и *Épigramme* 48 P (49 Mair, AP VI, 310).

н. э.) пользуется в повседневности гомеровскими оборотами с большей лёгкостью, а главное удовольствием, чем *κοινὴ* земляков. Ритор мыслит не только образами и языком эпоей, также система архаических ценностей ему ближе, понятнее правил, коими руководствуются сограждане. Мифы, с их Богами и демонами, спускающимися на Землю в человеческом облике¹⁷, – но которых, однако, подчас позволяет распознать¹⁸, – представляются реальнее повседневности. Преторы, легаты, поэты наполняют свои выступления гомеровскими оборотами и, – даже произнося речи полатыни, – аллюзиями первых эпоей. Каждое общественное событие становится поводом к обнажению ораторских мускулов, – потому и персонажи греческих романов столь неуёмны в стилистических тонкостях. Отказывающийся же следовать данным принципам, или просто не владеющий кодами ушедшей цивилизации, автоматически изгоняется из общественной жизни в первую очередь как нечестивец, не воздающий должного Богам, ревниво следящим за людьми¹⁹, а потому опасный, ибо рискующий заразить, – через взгляд, прикасание, разговор, – своей скверной всю общину, а также завещать своё проклятие грядущим поколениям²⁰. Эллинистическая *Weltanschauung*, значит, прямо противоположна нашей: владение нюансами классической эпохи (или, по крайней мере, её тонкостями согласно видению современников) является условием *sine qua non* политической, литературной, юридической карьеры. Сенатор, адвокат, философ, дабы быть выслушанными обязаны пользоваться образами и языком многовековой давности, – как если бы их германские коллеги нашего времени прибегали к фразеологии Рейнмара

¹⁷ Гомер, *Одиссея*, II, v. 382 – 388.

¹⁸ Гомер, *Одиссея*, III, v. 371 – 376.

¹⁹ Cf. Jeanne Roux, Euripide, *Les Bacchantes, Introduction, Commentaire*, Paris, Les Belles Lettres, 1970, 1972.

²⁰ См. например, Еврипид, *Вакханки*, v. 1330 – 1343.

фон Цветера, французские к терминам Франсуа Вийона, а российские к оборотам Иосифа Волоцкого или Максима Грека. Всякий же *подёнцицкий* подход, обыденный нынче, напротив был бы достоин презрения.

Необходимо подчеркнуть и развить упомянутый выше важный нюанс: выпускники школ риторики – а между философией и риторикой отсутствовал чёткий *limes* – обязаны были проявлять благочестие к Богам, бывшим одновременно литературными персонажами, с коими риторы неоднократно вели беседы под масками Одиссея, Тирезия, Пенфея. И в моей французской статье, «*La Hache de Lycurgue chez Callimaque*», изданной берлинским *Nietzscherforschung*, я разбираю как именно Каллимах, посредством своих эпиграмм и филологических штудий, проявлял набожность, полностью воспроизведённую также Фридрихом Ницше, несмотря на двадцать два столетия, разделяющие обоих эллинистических риторов²¹.

Другое качество литератора эллинистическо-имперского периода также должно быть упомянуто: созидатель, воспитанник риторической школы, мог считать себя равным правителю. И не одна *παίδεῖα* объединяет их. Поэты, представляются не только посредниками между Богами и князем, – уверенным, что Олимпийцы почитают созидателей существами высшими, ближе стоящими к ним, а потому лучше понимающими, в моменты инспирации, их язык²², – признающим нередко жреческое первенство толмачей, вдохновлённых бессмертными, и, следовательно, посредниками между ними и людьми. Например, Феокрит в своём «мотивационном письме» Гиерону II откровенно шантажирует сицилийского тирана своими привилегированными отношениями с Богами

²¹ Cf. Anatoly Livry, «*La Hache de Lycurgue chez Callimaque*», *Nietzscherforschung*, Berlin, Akademie Verlag, 2012, Band 19, S. 339-352.

²² См. Платон, *Ион*, 534 b.

на случай, если тому придёт в голову не заплатить ему за возможные будущие труды²³. И многие императоры полностью согласны с подобным мировоззрением. Так Юлиан Отступник покидает Константинополь ради Антиохии, дабы поселиться ближе к бывшему месту жительства Ямвлиха, одного из своих духовных воспитателей²⁴. А Дион Златоуст разделяет – согласно легенде – высшие почести триумфальной колесницы с Траяном, хоть и не особо понимающим своего любимого «полуфилософа».

Фридрих Ницше никогда не получал философского, в современном академическом понимании, образования. Напротив, с самого отрочества в наумбургской Пфорте он погрузился в древнегреческое наследие, дабы постепенно стать эллинизированным германцем, превратившись в литератора-эрудита эллинистического периода, возродив и модернизировав, на свой этнический лад, все принципы погибшей Эллады. Став же неоэллинистическим ритором *par excellence*, Ницше, что совершенно логично, посвятил себя жречествованию изгнанным из Европы Богам, оказавшись новой особью, современным утончённейшим язычником старой закалки, а следовательно и вдохновителем творцов грядущего, показав им оживлённую античность, но также, благодаря энтузиазму, заполнив её лакуны, недоступные лучшим представителям Науки.

Ещё в своём базельском воззвании *Homer und die klassische Philologie* Ницше, обращаясь к коллегам, означает элиту будущего самим классическим филологам, являющимся, согласно своей неоэллинистической сути, также и философами, призванными реформировать любомудрие: «Auch einem Philologen steht es wohl an, das

²³ См. Феокрит, XVI-ая идиллия.

²⁴ Cf. Joseph Bidez, «Le Philosophe Jamblique et son école», *Revue des études grecques*, Paris, 1919, N 32, p. 39.

Ziel seines Strebens und den Weg dahin in die kurze Formel eines Glaubensbekenntnisses zu drängen; und so sei dies getan, indem ich einen Satz des Seneca also umkehre: „philosophia facta est quae philologia fuit”. Damit soll ausgesprochen sein, daß alle und jede philologische Tätigkeit umschlossen und eingehegt sein soll von einer philosophischen Weltanschauung ... »²⁵, частью же этой эллинизированной, вербально и духовно, риторики объявляется, как и в эпоху Мусейона, профессорская деятельность. Пройдёт около полутора лет, и под стенами Меца базельский профессор в прусском мундире²⁶ задумает печатный клич к одионийствованию немецкого мифа через возрождение греческой трагедии: «Zu unserem Troste aber gab es Anzeichen dafür, dass trotzdem der deutsche Geist in herrlicher Gesundheit, Tiefe und dionysischer Kraft unzerstört, gleich einem zum Schlummer niedergesunkenen Ritter, in einem unzugänglichen Abgrunde ruhe und träume: aus welchem Abgrunde zu uns das dionysische Lied emporsteigt, um uns zu verstehen zu geben, dass dieser deutsche Ritter auch jetzt noch seinen uralten dionysischen Mythos in selig-ernsten Visionen träumt. Glaube Niemand, dass der deutsche Geist seine mythische Heimat auf ewig verloren habe, wenn er so deutlich noch die Vogelstimmen versteht, die von jener Heimat erzählen. Eines Tages wird er sich wach finden, in aller Morgenfrische eines ungeheuren Schlafes: dann wird er Drachen tödten, die tückischen Zwerge vernichten und Brünnhilde erwecken – und Wotan’s Speer selbst wird seinen Weg nicht hemmen können!»²⁷ – неоэллинистический ритор становится незаменимым вождём европейцев, призванных покончить с сократизмом. Тщетное воззвание! Собратья не прислушались

²⁵ Friedrich Nietzsche, *Werke in drei Bänden*, München, Carl Hanser Verlag, 1954, Band 3, S. 174.

²⁶ Friedrich Nietzsche, *Versuch einer Selbstkritik* in *Die Geburt der Tragödie*, op. cit., Band 1, S. 11.

²⁷ Friedrich Nietzsche, *Die Geburt der Tragödie*, op. cit., Band 1, S. 154.

к Ницше, отказавшись от соучастия в возрождении трагедии, и постепенно изгнали его из своей гильдии, что, однако, не остановило германца в его филологической карьере. Дабы более всего походить на своих античных предтеч, Ницше заставляет собственное персидское alter ego признать себя «поэтом»: «Aber auch Zarathustra ist ein Dichter.»²⁸, – я бы уточнил, назвав его автором молитвенной ритмической прозы в честь Диониса. Да и самому Ницше, если прислушаться к его откровениям, не чуждо вдохновение: «Dies ist m e i n e Erfahrung von Inspiration; ich zweifle nicht, dass man Jahrtausende zurückgehn muss, um Jemanden zu finden, der mir sagen darf „es ist auch die meine“. –»²⁹. И даже развлекаясь эпитаграммами – на александрийский лад – Ницше означает в названии стихотворения внимательному читателю среди кого конкретно следует искать его предшественников, посвящая свою поэтическую разминку уже упомянутому мною выше Феокриту: *Lied eines theokritischen Ziegenhirten*³⁰. Когда же Ницше выходит на филологическую прогулку, то она превращается в жреческую разминку, в tête à tête с любимым Божеством, всегда готовым на откровения со своим любимым апостолом – как прежде Афина с Одиссеем, – включая выдачу секретных планов относительно усовершенствования людского типа, точнее, способа сделать человека «stärker, böser und tiefer»³¹.

И точно также, как ритор эллинистическо-имперского периода брезгует языком повседневности, Ницше открыто презирает пошлость κοινὴ окружающих его немцев, слишком понятную всякому, насыщая свой

²⁸ Friedrich Nietzsche, *Also sprach Zarathustra*, op. cit., Band 4, S. 163.

²⁹ Friedrich Nietzsche, *Ecce homo*, op. cit., Band 6, S. 340. Разрядка Фридриха Ницше.

³⁰ Cf. Friedrich Nietzsche, *Lied eines theokritischen Ziegenhirten* in *Lieder des Prinzen Vogelfrei* in *Die Fröhliche Wissenschaft*, op. cit., Band 3, S. 645.

³¹ Friedrich Nietzsche, *Jenseits von Gut und Böse*, op. cit., Band 5, S. 239.

стиль-дифирамб³² не только греческим и латынью, но и санскритом: «Es ist schwer, verstanden zu werden: besonders wenn man gangasrotogati denkt und lebt, unter lauter Menschen, welche anders denken und leben, nämlich kurmagati oder besten Falles „nach der Gangart des Frosches“ „mandeikagati“»³³, – и Ницше горд тем, что не понят первым встречным германцем, откровенно издеваясь над озадаченным читателем: « – ich thue eben Alles, um selbst schwer verstanden zu werden?»³⁴. Вот он, сверхэлитизм неоэллинистического ратора-профессора! Ницше выводит, как зоолог, затем дрессируя его, своего читателя – эту воплощённую возрождённую трагедию, чьи размышления над поглощёнными текстами есть та же аполлоническая, перед экстатической реакцией, стадия: «Freilich thut, um dergestalt das Lesen als Kunst zu üben, Eins vor Allem noth, was heutzutage gerade am Besten verlernt worden ist – und darum hat es noch Zeit bis zur „Lesbarkeit“ meiner Schriften – zu dem man beinahe Kuh und jedenfalls nicht „moderner Mensch“ sein muss : *das Wiederkäuen...* »³⁵ – через чтение происходит насыщение образами, которые сверхсозидателю (изначально всегда созерцательному читателю) предстоит выплеснуть в процессе вакхических мистерий на белый лист. O! procul este profani, – как бы восклицает Ницше вкупе с Вергилием и Пушкиным; не потому ли его философская поэма носит второе, столь дискриминирующее название *Ein Buch für Alle und Keinen*.

³² «Mein Stil ist ein Tanz.»: Friedrich Nietzsche, *Sämtliche Briefe Kritische Studienausgabe*, Januar 1880 – Dezember 1884, „An Erwin Rohde in Tübingen“. Nizza, 22. Februar 1884, Berlin – New York, Walter de Gruyter, 1988, Band 6, S. 479.

³³ Friedrich Nietzsche, *Jenseits von Gut und Böse*, *op. cit.*, Band 5, S. 45.

³⁴ *Ibid.*

³⁵ Friedrich Nietzsche, *Vorrede, Zur Genealogie der Moral*, *op. cit.*, Band. 5, S. 256. Курсив Фридриха Ницше.

И если Ницше сжимает время, то делает он это не только дабы взломать хронологические рамки, став на одну цивилизационную ступень с Каллимахом или Феокритом, но и, чтобы превратившись в современника Птолемея, углубиться, уже подобно первым эллинистическим риторам, в досократические слои лишь фрагментарно известных нам мистерий духа. Не потому ли ницшевская доктрина Вечного Возвращения была почерпнута у аристократа по крови Гераклита («Ein Zweifel blieb mir zurück bei H e r a k l i t, in dessen Nähe überhaupt mir wärmer, mir wohler zu Muthe wird als irgendwo sonst. (...) Die Lehre von der „ewigen Wiederkunft“, das heisst vom unbedingten und unendlich wiederholten Kreislauf aller Dinge – diese Lehre Zarathustra's k ö n n t e zuletzt auch schon von Heraklit gelehrt worden sein.»³⁶), поясняет филолог в главе своей автобиографии, посвящённой возрождению трагедии. Недаром Ницше наполняет *Заратустру* гераклитовскими аллюзиями, почерпнутыми из *Гиппия Большого*, а значит обращёнными не к наслушившимся о Дарвине журналистам, а опять же к собратьям – эллинистам:

Ср. Платон, *Гиппий Большой*: «ἄρα πιθήκων ὁ κάλλιστος αἰσχροῦ ἀνθρώπων γένει συμβάλλειν»³⁷.

Ср. Ницше, *Так говорил Заратустра*: «Was ist der Affe für den Menschen? Ein Gelächter oder eine schmerzliche Scham. Und ebendas soll der Mensch für den Übermenschen sein: ein Gelächter oder eine schmerzliche Scham.»³⁸ – уже не особо ясно, кто поучает толпу в городе за лесом, Заратустра ли? Гераклит? Или сам Ницше, внезапно заговоривший притчами ионического периода?

³⁶ Friedrich Nietzsche, *Ecce homo*, *op. cit.*, Band 6, S. 312 – 313. Разрядка Фридриха Ницше.

³⁷ Platon, *Hippias majeur*, 289 a, Paris, Les Belles Lettres, 1921, traduit par Alfred Croiset, p. 19.

³⁸ Friedrich Nietzsche, *Also sprach Zarathustra*, *op. cit.*, Band 4, S. 14.

И даже когда Ницше подходит к концу своего психического существования в январе 1889 г., и вот-вот перешагнёт через рубеж сумасшествия, он пишет сильным мире сего как равным, если не как низшим, – будь то итальянский король («Meinem geliebten Sohn Umberto.»³⁹) или князь Церкви: «Meinem geliebten Sohn Mariani ...»⁴⁰. Ничего из ряда вон для ратора эллинистической эпохи, – возможно лишь незначительное влияние Диониса, случайно вмешавшегося в эпистолярные отношения своего ученика: наподобие актёра, сросшегося со своим многолетним любимым персонажем, мысля, питаясь, разговаривая как он, Ницше просто не способен вести себя иначе как редчайшая, ибо исчезнувшая более полутора тысячелетий назад особь.

Теперь после долгой, но столь необходимой презентации эллинизированного варвара Фридриха Ницше, обратимся к двум другим неоэллинистическим, но российским риторам, рождённым, когда их германский учитель уже погрузился в хаос, – к Мандельштаму и Набокову. Именно благодаря Ницше они модернизировали, – пройдя через неизбежную архаизацию его, – свой русский язык. И как следствие, образы и философские доктрины Ницше – единственная подлинная знаковая база мандельштамовского и набоковского творчества – могут быть распознаны утончённым специалистом, коему не чужда и древнегреческая, и германская филология⁴¹. Каждый из разобранных выше нюансов

³⁹ Friedrich Nietzsche, *Sämtliche Briefe Kritische Studienausgabe*, „Turin, um den 4. Januar 1889, Brief an Umberto I König von Italien“, *op. cit.*, Band 8, S. 577.

⁴⁰ *Ibid.*, „Turin, um den 4. Januar 1889, Brief an Kardinal Mariani in Rom“.

⁴¹ См. René Guerra, «Sauver Nabokov: la thèse de doctorat d'Anatoly Livry», а также Ренэ Герра, «Спасти Набокова» в *Вестнике Университета Российской Академии Образования*, 1 – 2014, Москва, с. 53 – 55. Однако, для того, чтобы понять механизм обкрадывания открытий Анатолия Ливри славистами французского истеблишмента, лучше обратиться к публикации Ренэ Герра этого года: «22 октября 2014 года А. Ливри публикует в

менталитета эллинистическо-имперских риторов свойственен и Мандельштаму и Набокову, запевшим песни ушедших, этнически чуждых им народов. Более того, ввиду того, что ницшевское наследие – редчайшая, однако перманентно обучающая Мандельштама и Набокова субстанция, то благодаря долголетним штудиям этого мэтра филологии (по совместительству ученика Вакха-философа: «– ich, der letzte Jünger des

парижском журнале *Enquête&Débat* разгромную статью о французских славистах „Slavistes français capos du goulag universitaire”, где особо достаётся некоему экс-студенту Мишеля Окутюрье, Марку Вайнштейну (Marc Weinstein), который, провозгласив себя «специалистом по Мандельштаму», написал в своей монографии, вынеся своё бескультурье на обложку книги: „... janvier 1917, à Saint-Petersbourg (SIC), devant une salle bondée, Mandelstam [...]” (Marc Weinstein, *Mandelstam : jouer-combattre*, Paris, Hermann, 2011, p. 5 и обложка) ; итак, профессор французской славистики пишет „... в январе 1917-го, в Ст.-Петербурге ...”!!! – став, естественно, посмешищем всей славистики мира, да и всего французского Университета впридачу. Ибо во Франции, надо отметить, просто образованные люди знают, что в 1917 году город на Неве назывался Петроградом. Не слышал об этом лишь Марк Вайнштейн, профессор славист и „специалист по Мандельштаму”! Позор Вайнштейна стал международным. С лёгкой руки Анатолия Ливри появился термин „вайнштейнизация Петрограда” – определение безграмотных, но от того не менее претенциозных профессоров французской славистики. И что же произошло буквально несколько недель спустя, а именно 25 ноября 2014 г.?... А вот что: Совет Французской Славистики официально назначил этого самого Марка Вайнштейна докладчиком по делу Ливри, переданному в Министерство Просвещения для получения всё того же ... права искать во Франции места доцента. Товарищи по Совету позволили товарищу Вайнштейну отомстить – с использованием служебного места! – поэту Ливри за свой вселенский позор! Кумовство?!? Нет, конечно, не кумовство, как можно! Это ведь просто случайность!... тысячная подобная случайность в „Деле Ливри”! Но кто же выступает вторым докладчиком по досье Ливри в 2014 в Совете Французских Славистов?! - ведь хоть какое-то подобие официальной «нейтральности»... На эту роль вызвалась некая Любовь Юргенсон-Райхман (Lubov Jurgenson-Raichman), славистка той же самой Сорбонны – новая случайность! – которой печально известная Нора Букс через несколько месяцев оставит своё профессорское место... Опять случайность, конечно же не кумовство!»: Ренэ Герра, «Советизация французского Университета или французские слависты против Анатолия Ливри», *Вестник Университета Российской Академии Образования*, 1 – 2015, Москва. Отныне французские слависты могут продолжать переписывать под своими именами открытия Анатолия Ливри: в своих официальных докладах Юргенсон и Вайнштейн подвергли цензуре около сорока (40 !) крупнейших профессоров, издателей, академиков, делом высказавшихся в поддержку творчества Анатолия Ливри, а именно того же Р. Герра, М. Фюмароли, А. Бийо, Н. Пахсарьян, Р. Решеке, ..., издательства Алетейю, Культурную революцию, Walter de Gruyter, Hermann, А Режис Гейро, этот подавший заявление в полицию на Анатолия Ливри председатель секции французских славистов (!), водвёл комический итог: «Absence de distinction entre l'activité de polémiste et l'activité de recherches» (Gayraud, le 22.1.2015). Другими словами, позволить себе откровенную коррупцию, а именно быть официальными докладчиками в Совете французской славистики **после** подачи кляузы в полицию на опозорившего их, как «учёных», конкурента, позволено, оказывается, исключительно французским функционерам. В мозгу французских славистов выстроена высочайшая «берлинская стена» – причина их психопатической безответственности, а следовательно и вполне заслуженного международного позора: они функционеры, ни в коем случае не учёные!

Philosophen Dionysos [...]»⁴²), оба ритора в свою очередь сумели сделать ряд литературоведческих открытий в доктрине Ницше, которые можно почерпнуть при внимательном чтении их творчества, что я изложил в своей докторской диссертации⁴³, а также в прочих книгах и статьях⁴⁴. Так, если Мандельштам, оставшийся в СССР, тем самым показав определённую духовную инертность, подчас откровенен в своём неозллинистическом самоформировании, выдавая себя («Русский язык – язык эллинистический.»⁴⁵, заявляет он в статье, берлинское название коей свидетельствует об окончании его образования александрийского ритора – «О внутреннем эллинизме в русской литературе»⁴⁶), то Набоков, благодаря относительной личной свободе изгнанника, способен приблизиться к Ницше не только духовно, но и эстетически, а потому его элитизм более чист: Набоков умеет тщательно замаскировать имя своего воспитателя. Здесь требуется небольшое отступление.

Напомню, в конце 2003 года будущий «Набоков ницшеанец» был объявлен среди функционеров набоковедения сюжетом *non gratum* («...

⁴² Friedrich Nietzsche, *Götzen-Dämmerung*, *op. cit.*, Band 6, S. 160.

⁴³ Cf. Thèse de doctorat d'Anatoly Livry, *Nietzsche et Nabokov*, Lille, ANRT, 2014, 332 pages.

⁴⁴ Cf. Anatoly Livry, *Nabokov le nietzschéen*, Paris, Hermann, 2010, 313 p. avec une préface de Renate Reschke, Professeur à l'Université Humboldt de Berlin, Président de « Nietzsche-Gesellschaft » Berlin-Naumburg et avec une postface de Nathalie Pakhsaryan, Professeur de littérature française à l'Université Moscou-Lomonossov. Или например, Anatoly Livry, «Mandelstam, un dionysiaque nietzschéen», *Nietzscheforschung*, Berlin – New York, Walter de Gruyter Verlag, 2013, Band 20, S. 313-324, или Анатолий Ливри, «Набоков освобождаемый», Конференция Армавирской Государственной Педагогической Академии, *Кожинские Чтения*, Материалы Десятой Международной Научно-Практической Конференции, 8-9 октября 2013 г., Армавир, Издательство АГПА, 2013, с. 92 - 94.

⁴⁵ Осип Мандельштам, *О природе слова* в *Собрании сочинений в четырёх томах*, Москва, Арт-бизнес-Центр, 1993, т. 1, с. 220.

⁴⁶ См. Осип Мандельштам, «О внутреннем эллинизме в русской литературе», газета *Накануне*, Берлин, 10 июня 1923.

"Nabokov nietsheanets" Livry is trumpeting is a rehashed old term paper.»⁴⁷); более того, тщательное сокращение писателем своего ницшеанства стало гарантией стабильного товарооборота набоковских текстов для университетских служащих, не владеющих во всех тонкостях русским, английским и французским языками, необходимыми любому набоковеду, а также для функционеров ВУЗов, избавивших себя от вчитывания в Ницше по-немецки с неизбежным разбором греческих текстов в оригинале⁴⁸: «набоковедам»-коммерсантам позволялось низводить до своего уровня сверхсложного автора. Но вот неожиданно появляется *Лаура*, чьей публикацией Дмитрий Набоков преступно приподнял завесу созидания, являющегося кропотливым ремеслом, зодчеством неоэллиниста, цель коего замаскировать святое, сделать его недоступным ленивому взору праздношатающегося дерптского структуралиста. И в параграфе 133 *Лауры* мы находим улику тщательных ницшеанских изысканий Владимира Набокова, переписывающего по-английски притчи Заратустры: «Искусство самоубоя. (Литературное приложение к «Тайме», 16.1.76). „Ницше полагал, что человек чистой воли... должен признавать, что ему

⁴⁷ Дмитрий Набоков, «Письмо профессору Д. Б. Джонсону, опубликованное на форуме Nabokv-L» 4-го октября 2004.

⁴⁸ Необходимо отметить появление во Франции абсолютно стерильных университетских публикаций о Ницше – издание статьи, не как отчёт об изысканиях учёного, но исключительно как знаковое отличие, советизированная инициация госслужащего среди «своих»: Serge Rolet, «Résonances nietzschéennes dans la prose narrative russe au tournant du XXe siècle» dans *Revue des études slaves*, 70, Paris, 1998, p. 141 – 149 – статейка рабфаковского учителя, силящегося навязать философии будущего привычное ничтожество марксиста. «Ницше» функционера Сержа Роле не знаком с немецким языком и почти бессловесен во французском переводе: в лучших традициях советских концлагерей, Роле полагается на «специалистов», устраивая цензуру первоисточника, заставляя Ницше присоединиться к мнению «спецов системы» (*ibid.*, p. 142). Когда же речь заходит о главнейших ницшевских доктринах, – опять до нас доносится самоуверенный тенорок заезжего на концлагерный лесоповал агитпроповского лектора, или парторга конвоиров, силящегося быть понятным исправляющимися колымскими «передовиками»: «Le surhomme, c'est l'arbre qui cache la forêt ...» (*ibid.*, p. 142), – пыжится безграмотный аппаратчик Роле.

положено умирать в положенное время”»⁴⁹ Вся эта тактика засекречивания информации ради передачи её избранному исследователю будущего ни в коем случае не должна была оказаться на виду у непосвящённых, а моим трудам о «Набокове ницшеанце» предназначалось вечно подвергаться нападкам университетской черни (и я бы предпочёл это!), находившейся в услужении у того же Дмитрия Набокова, которому, однако, перед смертью ... вдруг понадобились деньги: «Le diable porte riègге», говорят франкоязычные ценители комической теологии.

Но и на этом предательстве бизнес-стратегии «набоковедения» не завершается ужас псевдоакадемического подёнщика! Ведь те же напечатанные черновики открывают нам, что Набоков, за полтора года до смерти вспоминая гиппократическое назидание перса («Stirb zur rechten Zeit: also lehrt es Zarathustra.»⁵⁰), интересовался собратом по перу, Юкио Мишимой, завершившим жизнь реальным воспроизведением «Пролога» *Заратустры* вкупе с попыткой монархического переворота через возвращение императору реальной власти. В шестьдесят первой сноске *Лауры* мы находим: «Цитата из «Этикета смерти», обстоятельного разбора Роджером Скрутоном книги Ивана Морриса «Трагические герои в истории Японии». В этой статье, которую Набоков, очевидно, внимательно прочитал (следующий абзац тоже основан на цитате оттуда), идет речь о японском культе самоубийства при личном поражении, причем отдельно рассматривается ритуальное самоубийство Мишимы (см. прим. 23).»⁵¹. Другими словами, Владимир Набоков, легкомысленно презрев будущие доходы сына, позволяет себе вдохновение судьбой японского ницшеанца,

⁴⁹ Владимир Набоков, *Лаура и её оригинал*, Москва, Азбука, 2009, перевод Г. Барабтарло, с. 23.

⁵⁰ Friedrich Nietzsche, *Also sprach Zarathustra*, *op. cit.*, Band 4, S. 93.

⁵¹ Владимир Набоков, *Лаура и её оригинал*, там же, с. 23.

автора драмы *Мой друг Гитлер*, которую другие купцы от литературы долго не знали как продать, покуда не провозгласили сценический дифирамб во славу «Вакха Национальной Революции», Эрнста Рёма, «антифашистской пьесой». Я побрезговал подарком Дмитрия Набокова, принципиально отказавшись эксплуатировать в моей докторской диссертации кощунственно выпотрошенную сыном душу Владимира Набокова – содержание его созидательного желудка.

В моей подробной статье, изданной *Вестником УРАО* год назад, я разобрал, как в своём самом раннем опубликованном стихотворении, *Среди лесов, унылых и заброшенных*, Мандельштам воспроизводит основные элементы заключительной части *Заратустры*⁵². И Набокову также не чуждо введение ницшевской ритмики в своё русское творчество. Так, например, берлинец *Дара*, торжествующий безграничную свободу творца русского Слова, перефразирует *веницейское* стихотворение Ницше *Mein Glück!*⁵³, а точнее русский перевод его отрывка: «О, сколько рифм в их перьях, как подарки,/На счастье мне! на счастье!»⁵⁴. Фёдор Годунов-Чердынцев, в чьих ушах несомненно звучит ницшевский рефрен, так выражает счастье от дара, распирающего его июньским утром: «Куда мне девать все эти подарки, которыми летнее утро награждает меня – и только меня? Отложить для будущих книг? Употребить немедленно для составления практического руководства „Как быть Счастливым?“»⁵⁵.

⁵² См. Анатолий Ливри, «Мандельштам в пещере Заратустры», *XII Андреевские Чтения, Вестник Университета Российской Академии Образования*, Москва, 2014, с. 9 - 21.

⁵³ Cf. Friedrich Nietzsche, „*Mein Glück!*“ in *Lieder des Prinzen Vogelfrei in Die Fröhliche Wissenschaft, op. cit.*, Band 3, S. 648.

⁵⁴ Цитирую по русскому изданию Фридрих Ницше, *На счастье мне!* в *Песнях принца Фогельфрай, Собрание сочинений в двух томах*, Москва, Мысль, 1990, перевод К. А. Свасьяна, т. 1, с. 717.

⁵⁵ Владимир Набоков, *Дар* в *Собрании сочинений в четырёх томах*, Москва, Издательство Правда, 1990, т. 3, с. 294.

Впрочем, Набокову, такому же берлинцу как и его герой, а потому владеющему немецким языком, вовсе не требовалась русская импровизация на тему *Весёлой науки*, чтобы Ницше зазвучал со страниц его *Дара*⁵⁶.

В заключении остаётся подвести итог, схожий с выводом моей докторской диссертации и моих философских – а следовательно филологических – трудов: литературоведческие исследования, да и вся Наука, были заведены в тупик вовсе не безграмотными карьеристами, низводящими Ницше, Мандельштама, Набокова, Клоделя, ... на свой ничтожный уровень. Функционеры от Университета, – каждодневно оскверняющие создателей, – не более чем воплощённые предлетальные судороги той сократизированной диалектики, агонизирующей вместе с вашей александрийской культурой⁵⁷, подмеченной Фридрихом Ницше, предложившим, как и следует артиллеристу, остроумную стратегию: хронологический обходной маневр. Взрастить неоэллинистическую элиту. Затем архаизировать её. Дабы уже этой языческой и грекоязыкой фалангой

⁵⁶ См. Анатолий Ливри, *Набоков ницшеанец*, Ст.-Петербург, Алетейя, 2005, с. 239.

⁵⁷ Речь идёт о сократической цивилизации, где, например, французские профессора-«набоковеды» не знакомы даже с русским алфавитом! «... профессор <университета Бордо> Изабель Пулэн (Isabelle Poulin) отказывает, по каким-то личным причинам, в уважении не только пяти другим членам диссертационного совета докторской Анатолия Ливри, но и издателям – российским, парижским, берлинским – его диссертации. А полное объяснение ангажированности Пулэн мы найдём в ещё более ранней публикации французской славистики, а именно, во втором номере *Cahier de l'émigration russe* за 1993 год, изданном под редакцией ... той же самой Норы Букс: на страницах 107-117 внезапно возникает Пулэн, цитирующая русских авторов... в латинской транскрипции! И сейчас можно подвести итог научной деятельности профессора из Бордо Пулэн: за два десятка лет эта «набоковедка» не удосужилась выучить даже русского алфавита! Несомненно, Пулэн, благодарная Букс, – профессору Сорбонны, пишущей с ошибками по-французски, – за незаслуженную (но столь необходимую, когда получаешь жалование как «набоковедка») этикетку «русистики», отработала сполна, во время защиты Анатолием Ливри своей докторской, полученное летом 2011 года из Парижа задание! С тех пор все министерские докладчики вторят клевете профессора Пулэн.» Ренэ Герра, «Совьетизация французского Университета или французские слависты против Анатолия Ливри», *Вестник Университета Российской Академии Образования*, 1 – 2015, Москва.

влиться в возвращающийся из Азии кортеж ими же вызванного Диониса⁵⁸! Прыжок конём через неэллинскую, ибо – Nietzsche dixit – изуродованную метисацией, голову Сократа⁵⁹. Рывок на два с половиной тысячелетия вспять, в эпоху, когда этот, покамест не установившийся зоологический тип, «человек»⁶⁰, ещё не был коррумпирован чрезмерной разумностью. А такие созидатели, как Мандельштам или Набоков, наконец избавленные от сократической шелухи, – могут стать совершеннейшим модернизированным подспорьем в подготовке вакхической, и как следствие филологической, революции.

Др. Анатолий Ливри, Ницца – Sophia Antipolis

⁵⁸ «Ihr sollt den dionysischen Festzug von Indien nach Griechenland geleiten! Rüstet euch zu hartem Streite, aber glaubt an die Wunder eures Gottes!»: Friedrich Nietzsche, *Die Geburt der Tragödie*, *op. cit.*, Band 1, S. 132.

⁵⁹ «Aber Häßlichkeit, an sich ein Einwand, ist unter Griechen beinahe eine Widerlegung. War Sokrates überhaupt ein Grieche? Die Häßlichkeit ist häufig genug der Ausdruck einer gekreuzten, durch Kreuzung g e h e m m t e n Entwicklung. Im andern Falle erscheint sie als niedergehende Entwicklung.»: Friedrich Nietzsche, *Götzen-Dämmerung*, *op. cit.*, Band 6, S. 68. Разрядка Фридриха Ницше.

⁶⁰ Cf. Friedrich Nietzsche, *Jenseits von Gut und Böse*, *op. cit.*, Band 5, S. 81.